

Г. А. Емельяненко
ИРИ РАН, Москва, Россия. egor.a.e@gmail.com

КОНЦЕПЦИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РУСИ В СКАЗАНИИ О СЛОВЕНЕ И РУСЕ

В предлагаемой статье предпринята попытка анализа исторической концепции, содержащейся в Сказании о Словене и Русе – историко-публицистическом памятнике, созданном не позднее 1630-х гг. В отличие от предшествующей историографии, в данной статье отдельно анализируется каждый фрагмент текста памятника. Там, где это возможно, выявлены предполагаемые источники того или иного фрагмента памятника. Также в статье сопоставлены наиболее значимые разночтения в древнейших из известных вариантов текста.

Ключевые слова: Сказание о Словене и Русе, историческая концепция, этногенетическая легенда

Одним из наиболее любопытных памятников русской книжности первой половины XVII в. является Сказание о Словене и Русе и граде Словенске (далее – Сказание), в котором представлен оригинальный взгляд на легендарный период истории Руси, нехарактерный для предшествующих летописных и хронографических памятников.

Сказание повествует о происхождении словен и русов от скифов, которые, в свою очередь, представлены как потомки Иафета. Ключевое место в тексте Сказания отводится истории Словенска Великого (будущего Новгорода) и окрестных земель, которые, по замыслу авторов этого памятника, стали прародиной славян и некоторых их соседей. Особое внимание также уделяется легендарному сюжету о контактах славян и русов с Александром Македонским – текст грамоты, якобы выданной им славянским князьям, занимает значительную часть Сказания и является его ключевым элементом. Сюжет памятника завершается рассказом о завещании Гостомысла и последующем призвании Рюрика с братьями – «самодержцев» из «прусской земли», происходящих «от рода кесаря Августа».

Сказание о Словене и Русе неоднократно привлекало внимание исследователей. Текст этого памятника был опубликован А. Н. Поповым и Ф. Гиляровым, однако оба исследователя ограничились лишь публикацией самого текста по отдельным спискам и не проводили специального исследования этого памятника¹. Впрочем, А. Н. Попов дал краткую характеристику тексту Сказания, читающемуся в третьем разряде списков третьей редакции Русского Хронографа, предположив создание этого памятника на русской почве под влиянием польских образцов [Попов, с. 204–205].

Из ранних работ также следует упомянуть исследование С. К. Шамбинаго, который смешивал текст, позднее определенный как Сказание о Словене и Русе, с легендарной Иоакимовской летописью, изданной В. Н. Татищевым и Новгородской 3-й летописью [Шамбинаго, с. 261–265]. Сам этот текст рассматривался исследователем лишь косвенно – в контексте взаимоотношения Новгородской 3-й и Иоакимовской летописей.

С. Н. Азбелев отмечает наличие Сказания о Словене и Русе в начале краткой редакции Новгородской 3-й летописи, но отвергает предположение С. К. Шамбинаго, что Сказание можно считать начальной частью текста этой летописи, отмечая, что оно представляет собой лишь вставку в ее текст [Азбелев, с. 48–52]. Также С. Н. Азбелев опровергает предполагаемую С. К. Шамбинаго связь Иоакимовской летописи со Сказанием [Азбелев, с. 48–52].

¹ Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собрал и издал Андрей Попов. М., 1869. С. 442–447; Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1878. Приложения. С. 15–22.

Первым специальным исследованием, посвященным Сказанию, является работа А. Л. Гольдберга. Изучив более 100 списков этого памятника, исследователь выделил три редакции, каждая из которых включает в себя несколько групп списков [Гольдберг, с. 52].

К первой редакции исследователь относил вариант текста, читающийся в составе так называемого «Свода 1650 г.»² [Гольдберг, с. 52–55]. Вторая редакция представлена вариантом текста, содержащимся в составе патриаршего Летописного свода 1652 г. [Гольдберг, с. 58]. К третьей редакции А. Л. Гольдберг отнес варианты Сказания, включенные в состав новгородских летописных сборников 1680–1690-х гг. [Гольдберг, с. 59–62].

Следуя за А. Н. Насоновым, исследователь предполагает существование летописного «Свода 1650 г.» [Насонов, с. 488; Гольдберг, с. 52–53]. Согласно А. Л. Гольдбергу, текст Сказания был создан непосредственно в процессе составления упомянутого Свода в 1640–1650-х гг. [Гольдберг, с. 52–53]. По мнению исследователя, Сказание могло быть создано в среде московских «боголюбцев» середины XVII в. [Гольдберг, с. 52–53]. Впоследствии построения А. Н. Насонова, принятые А. Л. Гольдбергом, были убедительно опровергнуты М. А. Савиновым, указавшим, что текст «Свода 1650 г.» в действительности представляет собой краткую редакцию Хронографа астраханского архиепископа Пахомия – одного из хронографов особого состава, созданного в 1649–1650 гг. [Савинов, 2009, с. 166–167].

А. В. Лаврентьев обратил внимание на список Сказания, содержащийся в сборнике ОР РГБ. Ф. 726 (Собрание И. К. Андропова). № 2 (далее – Андр. 2), который остался незамеченным А. Л. Гольдбергом. Этот список датируется 1638 г., что позволило исследователю отнести создание текста Сказания к 1630-м гг. [Лаврентьев, 1984, с. 41–43].

Также А. В. Лаврентьев предположил участие в создании Сказания новгородского митрополита Киприана; поводом для этого послужили «новгородоцентричность» текста Сказания и присутствующие в нем сибирские мотивы (Киприан ранее занимал Тобольскую кафедру) [Лаврентьев, 1989, с. 166–167].

Д. М. Буланин и А. А. Турилов признают наиболее вероятным, что текст Сказания был составлен в Новгороде, и принимают предположение А. В. Лаврентьева о роли Киприана в создании этого памятника, однако также авторы считают возможным появление некоей ранней версии Сказания в годы шведской оккупации Новгорода (1611–1617 гг.) [Буланин, Турилов, с. 445–446].

Среди наиболее древних списков текста, помимо упомянутого выше списка Андр. 2, Д. М. Буланин и А. А. Турилов отмечают также список Сказания в сборнике ОР ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 533-4° (далее – Увар. 533), 40-х гг. XVII в.³ (тоже не учтенный в классификации А. Л. Гольдберга) [Буланин, Турилов, с. 445–446].

Отдельно стоит отметить работу А. С. Мыльников, исследовавшего связь текста грамоты Александра Македонского, читающейся в Сказании, с западнославянской историографией. Согласно мнению исследователя, текст грамоты сначала возник в русской книжности под влиянием чешского или польского материала, отразившись в Сказании о Словене и Русе, а впоследствии совершил «обратный путь», будучи переведен капелланом императора Леопольда I Себастьяном Главиничем и опубликован в его «Донесении о Московии и москвитях» [Мыльников, с. 67–72].

---

² О дискуссии о существовании «Свода 1650 г.» см. далее по тексту.

³ Этот сборник традиционно датируется 1642 г., однако А. В. Духанина обратила внимание на сложносоставной характер рукописи, состоящей из разновременных частей [Духанина, с. 149]. Филигранные, присутствующие на л. 188–201 рассматриваемого сборника, датируются 1648–1649 гг. [Духанина, с. 151]. Это позволяет предположить создание списка Сказания, читающегося здесь на л. 193 об.–201 об., 40-ми гг. XVII в.

М. А. Савинов, изучая Хронограф астраханского и терского архиепископа Пахомия, выделил особый, «Пахомиевский» вариант Сказания, содержащийся в нем [Савинов, 2016, с. 81–84]. Исследователь отметил ряд уникальных чтений этого варианта Сказания, о которых подробнее пойдет речь ниже. Как отмечалось выше, М. А. Савинов опровергает положения А. Л. Гольдберга, предполагавшего создание текста Сказания в рамках работы над «Сводом 1650 г.».

Кроме того, М. А. Савинов предложил свое видение текстологического соотношения известных вариантов текста Сказания. Наиболее ранними списками текста исследователь, вслед за предшествующей историографией, называет списки Андр. 2 и Увар. 533, которые отразили первоначальный внелетописный вариант текста [Савинов, 2016, с. 79–80].

Интересным нововведением М. А. Савинова является выделение Хронографического варианта Сказания, читающегося в составе Русского Хронографа третьего разряда редакции 1620 г. [Савинов, 2016, с. 79–80]. Подробнее об этом варианте текста будет сказано в дальнейшем.

А. В. Сиренов подверг сомнению точку зрения, согласно которой автором Сказания был митрополит Киприан. Исследователь допускает некоторое участие Киприана в создании Сказания, однако все же отмечает, что последний вряд ли был знаком с польской историографией, влияние которой прослеживается в тексте памятника [Сиренов, 2018, с. 67–69; Сиренов, 2021, с. 27]. Позднее А. В. Сиренов также предположил авторство киевского иеромонаха Иосифа, приехавшего в Москву в 1632 г. Основанием для этого послужило упоминание в тексте Сказания «истории киевской», вероятное знание автором Сказания польского языка и, возможно, латыни (исследователь обращает внимание на выписки из «латинского летописца» в составе упомянутой рукописи Андр. 2, где читается древнейший список Сказания) [Сиренов, 2022, с. 85–86].

Кроме того, по мнению А. В. Сиренова, включение текста Сказания в состав таких крупных памятников, как Летописный свод 1652 г. и Хронограф Пахомия, а также наличие его в поздних списках Степенной книги и Русского Хронографа редакции 1620 г. говорят о столичном происхождении этого текста, а не новгородском, как предполагает большинство других исследователей [Сиренов, 2018, с. 70; Сиренов, 2021, с. 27–30].

В историографии последних лет наметился повышенный интерес к изучению раннеמודерных, донациональных идентичностей в восточнославянском мире, что отразилось и на изучении Сказания о Словене и Русе. Среди исследователей, предпринявших попытку проанализировать содержание Сказания с точки зрения заложенной в нем исторической концепции, стоит выделить упомянутого ранее А. В. Сиренова, а также П. С. Стефановича, А. П. Богданова и М. А. Бойцова, А. В. Доронина [Сиренов, 2018; Стефанович, 2017; Стефанович, 2019; Богданов, 2019; Богданов, 2022; Бойцов; Доронин].

Этим исследователям принадлежит ряд интересных наблюдений над текстом Сказания, которые будут упомянуты ниже. Однако стоит отметить, что в большинстве работ Сказание, главным образом, рассматривается в ряду других памятников XVII в. либо же делается акцент на отдельных его фрагментах.

Таким образом, можно заключить, что в современной историографии сложился консенсус относительно датировки Сказания 1630-ми гг. – именно эту датировку признает большинство исследователей. Правдоподобной можно считать и точку зрения о роли митрополита Киприана в создании рассматриваемого текста. Из современных исследователей, как говорилось выше, данную точку зрения оспорил А. В. Сиренов, однако и он не исключает причастности Киприана к созданию памятника [Сиренов, 2018, с. 69].

В то же время приходится констатировать отсутствие консенсуса в вопросе о текстологии Сказания. Как отмечалось выше, наиболее подробная классификация была составлена А. Л. Гольдбергом. Однако последующими исследователями была опровергнута как предложенная им датировка Сказания, так и предположение о существовании «Свода 1650 г.», играющее ключевую роль в его построениях.

Последующие исследователи по большей части игнорировали вопрос о классификации известных вариантов текста. Исключением является работа М. А. Савинова, который, как отмечалось, выделил Хронографический и Пахомиевский варианты Сказания и предложил схему их соотношения друг с другом и с древнейшими списками [Савинов, 2016, с. 79–80].

В рамках этой работы мы не ставим своей целью установление текстологического взаимоотношения всех известных списков Сказания, что требует специального исследования. Однако для дальнейшего анализа этого текста с учетом тех или иных разночтений все же необходимо очертить круг используемых в работе списков памятника.

Как упоминалось ранее, древнейшими из известных списков Сказания на данный момент являются списки Андр. 2 и Увар. 533. Тем не менее сопоставления текста этих двух списков в историографии не проводилось. Такое сопоставление показывает, что текст Андр. 2 значительно сокращен в сравнении с Увар. 533 и другими, более поздними списками. Из всех частей памятника сокращению здесь не подверглась только «грамота Александра», в то время как весь остальной текст заметно лаконичнее.

Стоит отметить, что отсутствие отдельных фрагментов текста Сказания в Андр. 2 затуманивает некоторые важные для концепции этого памятника моменты, что, на наш взгляд, позволяет говорить именно о сокращении в нем изначального текста, а не последующем дополнении этого текста в других списках.

Помимо этих древнейших списков, безусловно, заслуживают рассмотрения более поздние варианты текста Сказания, содержащиеся в составе Хронографа Пахомия и Летописного свода 1652 г. Они органично вплетены в повествование соответствующих памятников, где заменяют традиционный для древнерусского летописания рассказ о начале Руси, восходящий к Повести временных лет (далее – ПВЛ).

Вариантам Сказания, содержащимся в Своде 1652 г. и Хронографе Пахомия, присущ ряд уникальных черт. Подробнее обо всех разночтениях будет сказано далее, здесь же кратко отметим основные различия. Так, в варианте Свода 1652 г. текст Сказания перемежается хронографическим рассказом «О начале Римском», а также статьей «О начале Киевском, о граде» [Гольдберг, с. 57]. В то же время отличительной чертой Пахомиевского варианта (по определению М. А. Савинова), является отсутствие именованного Александра Македонского «презвитяжным рыцарем», а также упоминания имен языческих богов в тексте «грамоты Александра» [Савинов, 2016, с. 83].

Заслуживает внимания также выделенный М. А. Савиновым Хронографический вариант сказания, читающийся в третьем разряде третьей редакции Русского хронографа. Также этот вариант Сказания встречается и вне Хронографа, в частности в конце Карамзинского списка – одного из древнейших списков Хронографа Пахомия, где выполняет роль внешнего дополнения к тексту последнего (ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. F.IV.600 (далее – F.IV.600). Л. 764–772 об.).

Этот вариант текста наиболее близок к читающемуся в Увар. 533, и, хотя он содержит ряд разночтений, в нем отсутствуют серьезные дополнения или сокращения, характерные для вариантов Хронографа Пахомия и Свода 1652 г. Стоит отметить присутствующее в заглавии этого варианта текста уточнение: «а во иных хронографех сия повесть не обретается», кото-

рое может свидетельствовать о том, что его составитель был знаком только с внелетописными вариантами текста Сказания (F.IV.600. Л. 764). М. А. Савинов допускает, что именно Хронографический вариант текста был использован при создании Пахомиевского [Савинов, 2016, с. 79–80]. Вопрос о времени создания Хронографического варианта и его включения в Русский Хронограф остается открытым [Савинов, 2016, с. 79].

По аналогии с Хронографическим и Пахомиевским вариантами текста предлагаем обозначать текст Сказания, читающийся в патриаршем Летописном своде 1652 г., Патриаршим вариантом.

Текст Сказания будет в дальнейшем цитироваться по Уваровскому списку (Увар. 533) с указанием, где это необходимо, различений по Андроновскому списку (Андр. 2), Хронографическому, Пахомиевскому и Патриаршему вариантам.

Как отмечалось ранее, текст Сказания предлагает концепцию происхождения славян и Руси, радикально отличающуюся от таковой в ПВЛ, которая стала основой для последующей летописной традиции. Вступительная часть свода повествует о Потопе и разделении земли между сыновьями Ноя. В разных вариантах Сказания содержание этого фрагмента варьируется. Так, в Увар. 533 сообщается о рождении у Ноя четвертого сына Мунта в первый год после Потопа (Л. 193 об.). Упоминание Мунта может свидетельствовать об обращении автора Сказания к Откровению Мефодия Патарского, интерполяционная редакция которого имела широкое распространение в древнерусской литературе⁴.

В других вариантах Сказания Мунт среди сыновей Ноя не упоминается. Также в Увар. 533 наиболее полно передан библейский рассказ о проклятии Хама Ноем (Л. 193 об.–194). Вступительный фрагмент в тексте Хронографического варианта, в целом, повторяет оный в Увар. 533, за исключением упоминания Мунта (F.IV.600. Л. 764). Также здесь сокращен рассказ о проклятии Хама – не указано, в чем именно заключался его проступок (F.IV.600. Л. 764).

Вступительная часть текста Пахомиевского варианта Сказания не содержит рассказа о проклятии Хама, однако содержит фрагмент о разделении языков, который отсутствует в других рассматриваемых вариантах текста (ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 1450 (далее – Погод. 1450). Л. 517). В Андр. 2 и Патриаршем варианте Сказания вступительный «библейский» фрагмент отсутствует – текст начинается с рассказа о внуках Иафета, о котором пойдет речь далее (Андр. 2. Л. 138; ОР РГБ. Ф. 37 (Собрание Т. Ф. Большакова). № 423 (далее – Больш. 423). Л. 1).

Дальнейший текст Сказания повествует о потомках Иафета (Увар. 533. Л. 194). Это роднит его с Повестью временных лет, в которой происхождение славян и руси также связывается с Иафетом⁵. Однако если в ПВЛ лишь оговаривается, что славяне и русь в числе других народов являются дальними потомками Иафета, то Сказание предлагает более детализированную генеалогическую схему. Так, здесь повествуется о правнуках Иафета Скифе и Зардане, отделившихся от своих родичей из «западных стран» и поселившихся на севере «во Евксипонте» (в Причерноморье) (Увар. 533. Л. 194).

Их же потомки назвали эту местность Великой Скифией в честь своего прадеда Скифа (Увар. 533. Л. 194). Как отметил А. П. Богданов, термин «Скифия» был характерен для чешской и польской историографий и его использование в Сказании (по определению А. П. Богданова – Повести) может свидетельствовать о западнославянском влиянии [Богданов, 2022, с. 187].

⁴ [Дмитриев]; *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М., 1897. Тексты. С. 118.

⁵ ПСРА. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. Стб. 3–6.

Однако в Патриаршем варианте Сказания в этом фрагменте используется термин «великая Скуфь», который более характерен для древнерусской летописной традиции, начиная с ПВЛ⁶. В Андр. 2 содержится несколько сокращенное сообщение, в котором говорится, что поселившиеся «во Ексинопонте» Иафетовы внуки Скиф и Зардан «нарекочася Скифяне» (Л. 138).

Дальнейший текст рассказывает о скифских князьях-братьях Словене и Русе. Также упоминаются другие их братья: Болгар, Коман и Истер (Увар. 533. Л. 194–194 об.). Отдельно следует отметить читающееся вслед за этим уточнение: «от сих же племени во время послѣднее и каган сыроядец искочи, о нем же греческая история послѣди изяснит» (Увар. 533. Л. 194 об.).

Данный фрагмент по смыслу напоминает библейский эсхатологический сюжет о Гоге и Магоге, который получил популярность в византийской, а затем и древнерусской литературе (в Книге пророка Иезекииля говорится о «Гоге в земле Магог» (Иез 38: 2), в то время как в Откровении Иоанна Богослова упомянуты уже «народы Гога и Магога» (Откр 2: 7).

В частности, этот сюжет присутствует в упоминавшемся ранее Откровении Мефодия Патарского⁷. Согласно Откровению, Александр Македонский во время своих походов дошел до земли, где обитали «Афетовы внуки», после чего разбил их и «заточил» в северных горах за «железными вратами». В «последние дни на скончание мира» языческие князья Гог и Магог «выидут» на землю Израильскую⁸. Схожий текст читается во 2-й редакции Хронографической Александрии, отразившейся во второй редакции Летописца Еллинского и Римского⁹.

В летописце Еллинском и Римском также читается статья «Начало царства Царяграда», где вышеупомянутый эпизод дублируется¹⁰. Аналогичная статья, озаглавленная «начало Царства Греческого», присутствует и в Русском Хронографе начиная с первой редакции¹¹.

В несколько измененном виде сюжет о народах, запертых Александром за «медными вратами», содержится также в ПВЛ. Здесь, со ссылкой на Мефодия Патарского, говорится о «8 коленах» потомков Измаила, к которым относятся туркмены, печенеги, торки и половцы (называемые также куманами). В конце света «8 колен» должны выйти из «пустыни Етривской», в то время как из «северных гор» должны выйти «нечистые народы» – потомки Иафета, отождествленные летописцем по рассказу новгородца Юрята Роговича с «югрой» – жителями Югорской земли¹². Тем не менее заимствование рассматриваемого сюжета из ПВЛ маловероятно. «Запертые» Александром народы из «племени Иафета» там прямо отождествляются с «югрой», в то время как куманы и болгары (с которыми можно было бы связать происхождение имен братьев Словена и Руса – Комана и Болгара) отнесены к измаилитянам и аммонитянам соответственно¹³.

Подобно Гогу и Магогу, «каган сыроядец» происходит из потомков Иафета и должен «искочить в последние времена». Обращает на себя внимание также определение «сыроядец» – в Откровении Мефодия Патарского сообщается, что Афетовы внуки «ядаху убо всяко животно жупеличеи твари гнусно бо убо есть и скаредно, комары мыши кошки и змеи и мезы(х) плоти скоты нечистыя (з)ивоги же(н)ския и дѣти своя мертвыя и всяку тварь животны(х)

---

⁶ Там же. Стб. 13.

⁷ Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. Тексты. С. 125.

⁸ Там же.

⁹ Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1. Текст. С. 131.

¹⁰ Там же. С. 176.

¹¹ ПСРА. СПб., 1911. Т. 22. Ч. 1. С. 213.

¹² ПСРА. Т. 1. Вып. 1. Стб. 234–236.

¹³ Там же.

гад»¹⁴. Аналогичное по смыслу указание на употребление Афетовыми внуками «нечистой» пищи присутствует и в других упомянутых памятниках¹⁵.

Учитывая вероятное заимствование сюжета о Мунте – четвертом сыне Ноя – из Откровения Мефодия Патарского в Увар. 533, можно предположить появление фрагмента о «кагане сыроядце» под влиянием этого же памятника. В то же время указание на «греческую историю» свидетельствует об обращении к какому-то историческому сочинению, под которым мог подразумеваться Русский хронограф или Летописец Еллинский и Римский.

Однако стоит отметить серьезные разночтения между фрагментом о «кагане сыроядце» и его предполагаемыми источниками. Так, «каган сыроядец» выступает в единственном лице, в то время как Гог и Магог, как правило, упоминаются вдвоем. Кроме того, Гог и Магог называются в указанных памятниках «князьями», а не «каганами»¹⁶. Таким образом, несмотря на вышеуказанные параллели, вопрос об источнике рассматриваемого фрагмента остается открытым.

В Пахомиевском варианте Сказания фрагмент с упоминанием «кагана сыроядца» отсутствует (Погод. 1450. Л. 517 об.). Можно предположить, что это изъятие носит избирательный характер – составителю Хронографа Пахомия могла не понравиться идея о связи предков славян с явно отрицательной фигурой «кагана сыроядца».

Согласно тексту Сказания, Словен и Рус прекратили междоусобицу среди потомков Скифа и Зардана и отправились на поиски земли, которую завещал Ной Иафету. Начав свой путь в 3099 г., Словен, Рус и их народ по прошествии 14 лет прибыли к озеру Моиска, впоследствии прозванному братьями Ильмер в честь их сестры Ирмери (F.IV.600. Л. 765 об.)¹⁷.

Подобным же образом в Сказании объясняется появление и других топонимов в Новгородской земле. Так, река Мутная была переименована в Волхов в честь сына Словена, а река Шелонь получила свое название в честь жены Словена. В честь самого Словена был назван город Словенск Великий (впоследствии Великий Новгород) (F.IV.600. Л. 765 об.–766).

Согласно Сказанию, скифы со временем стали называть себя «славянами» (F.IV.600. Л. 766). В обоих случаях речь идет о патронимах. Если скифы назывались так в честь Скифа – правнука Иафета, то славянами (словянами) они стали называть себя в честь Словена – потомка Скифа. Таким образом, с точки зрения автора Сказания, скифы «переименовались» в славян, переселившись на Волхов из Причерноморья.

Далее следует легенда о старшем сыне Словена – Волхве (Увар. 533. Л. 195). Согласно легенде, Волхв умел превращаться в «коркодила» и в этом образе залегал на дне Волхова, блокируя речной путь для проходящих судов. Невегласы (невежды) называли его Громом или Перуном (Увар. 533. Л. 195). Здесь же присутствует указание: «белорусским бо языком гром Перун именуется» (Увар. 533. Л. 195). Ссылка на белорусский язык, по предположению А. В. Сиренова, является одним из свидетельств опоры автора Сказания на польские хроники [Сиренов, 2018, с. 69]. Учитывая, что в России XVII в. белорусским языком называли язык восточнославянского населения Речи Посполитой, упоминание последнего может свидетельствовать, что автор Сказания работал с каким-то западнославянским текстом в восточнославянском переводе. В Андр. 2 и Пахомиевском варианте Сказания ссылка на «белорусский язык» отсут-

¹⁴ Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Тексты. С. 125.

¹⁵ Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. С. 131; ПСРА. Т. 22. Ч. 1. С. 213.

¹⁶ Там же.

¹⁷ В списке Увар. 533 отсутствуют листы с этим и несколькими следующими фрагментами, которые даются по Хронографическому варианту.

ствует, при этом в первом из них рассказ о Волхве-чародее значительно сокращен в сравнении с другими вариантами Сказания (Погод. 1450. Л. 519; Андр. 2. Л. 138).

Основание Старой Руссы в Сказании приписывается Русу – брату Словена (Увар. 533. Л. 195 об.–196). Далее сообщается, что народ под предводительством Словена и Руса начал именоваться словенами и русами по именам своих князей (Увар. 533. Л. 196). В Андр. 2 этот фрагмент отсутствует (Л. 138 об.). Таким образом, в Сказании не только говорится о родстве словен и русов, но и проводится прямое их отождествление. Такое утверждение находится в противоречии с традиционными летописными определениями, где русь отождествляется с варягами и подразумевается, что это отличный от славян (ильменских словен и кривичей) народ¹⁸.

Далее в тексте Сказания следует фрагмент, в котором сообщается о времени основания Словенска Великого, причем основание города вписано в контекст других важных дат, таких как Потоп и «разделение языков». В разных вариантах Сказания этот фрагмент имеет заметные различия.

Так, в Увар. 533 и Хронографическом варианте в качестве даты основания Словенска Великого указан 3099 г., что совпадает с годом, когда, согласно тексту Сказания, Словен и Рус со своим народом пришли на берега озера Ильмень (Ильмер) (F.IV.600. Л. 764 об.).

В Пахомиевском и Патриаршем вариантах Сказания приводится другая дата основания Словенска Великого – 3113 г. от сотворения мира (Погод. 1450. Л. 520; Больш. 423. Л. 4; ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 1406 (далее – Погод. 1406). Л. 4 об.). При этом в Пахомиевском варианте это единственная указанная дата, а характерные для других вариантов текста указания на даты Потопа и «разделения язык» отсутствуют (Погод. 1450. Л. 520).

Ранее в тексте Сказания упоминалось, что, отправившись в путь в 3099 г., Словен и Рус странствовали 14 лет (F.IV.600. Л. 765 об.). Таким образом, 3113 г., предложенный в Пахомиевском и Патриаршем вариантах в качестве даты основания Словенска Великого (ровно через 14 лет после того, как Словен и Рус отправились в путь), лучше вписывается в общее повествование Сказания, чем дата, предложенная в Увар. 533 и Хронографическом варианте.

В тексте Андр. 2 также содержится другая дата основания Словенска – 327 лет от Потопа (Л. 138 об.). Если считать, что дата Потопа – 2242 г., то получим в качестве даты основания Словенска 2569 г. Таким образом, в Сказании, независимо от конкретных разночтений в каждом из вариантов текста, радикально «удревняется» история Новгорода.

Составители Патриаршего варианта Сказания пошли еще дальше, напрямую заявив старшинство Словенска Великого в сравнении с Римом. Указывается, что город был основан «до Римскаго начала царства лѣтъ за 1657» (Больш. 423. Л. 4). В этом месте в Своде 1652 г. текст Сказания «разбивается» статьей «О начале Римском», кратко сообщающей время и обстоятельства основания Рима: «Рим начало прият от Адама в лѣто 4775 до рождества Христова за 770 лет. Во 12 лето Езекия царя Иеросалимскаго начаша царствовати в западных странахъ два брата Ром и Римъ» (Больш. 423. Л. 4). Стоит отметить, что приводимая здесь хронология отличается от предложенной в рассмотренном выше фрагменте.

На полях присутствует надпись «зри гранограф» напротив рассматриваемой статьи (Больш. 423. Л. 4; Погод. 1406. Л. 4 об.). По мнению А. В. Лаврентьева, данная статья заимствована из Русского Хронографа, вероятно редакции 1512 г. [Лаврентьев, 1984, с. 226–227]. На наш взгляд, другим вероятным источником этой статьи может являться Летописец Еллинский и Римский, в котором вышеуказанная статья повторяется почти дословно: «Егда царство-

---

¹⁸ ПСРА. Т. 1. Вып. 1. Стб. 19–20.

ва Езекиа в Иеросалимѣ, быст(ь) в 12 лѣто царства его, быста два брата в западных странах – Ром и Рим»¹⁹.

Дальнейший текст сообщает о завоевании Словеном и Русом окрестных земель: «обладаша ж и сѣверными странами по всему морю, даж и до предел Ледовитого моря, и окрест Желтоводных вод, и Зеленовидных вод, и по великим рекам Печере и Выми, и за высокими непроходными каменными горами во странѣ, рекома Скирь, по велицей рецѣ Обии и до устья Бѣловодных рѣки, яж вода яко млеко, тамо бо беруще дорогую скорою звери, рекомаго дынка, сиречь соболь» (Увар. 533. Л. 196–196 об.).

Упоминание «Скири», идентифицированной как Сибирь, в сочетании с явной «новгородоцентричностью» текста позволило А. В. Лаврентьеву предположить авторство новгородского архиепископа Киприана, который прежде был епископом в Тобольске [Лаврентьев, 1984, с. 166–167]. В Андр. 2 упомянутый «сибирский» фрагмент отсутствует (Л. 138 об.).

Потомки Словена – князья Великосан, Асан, Авенхасан – «ходиша и на Египетския страны и воеваше и многое храберство показующе, во Иеросалимских же и в варварских странах велии страх тогда о них належаще» (Увар. 533. Л. 196 об.). В Хронографическом и Пахомиевском вариантах вместо «иеросалимских» указаны «еллинские» страны (F.IV.600. Л. 767 об.–768; Погод. 1450. Л. 520 об.). В то же время Патриарший вариант сохраняет чтение Увар. 533, где говорится о «иеросалимских» странах (Больш. 423. Л. 4 об.).

Ключевым эпизодом в истории легендарных славяно-русов стали их взаимоотношения с Александром Македонским. Согласно тексту Сказания, «жалостливый слух» об их завоеваниях дошел до Александра, который принял решение заключить с «сыроядцами» (славяно-русскими князьями) договор (Увар. 533. Л. 197). Этот эпизод, очевидно, был призван подчеркнуть военную мощь потомков Словена, которая заставила считаться с ними даже «самодержца всея вселенной». В Андр. 2 отсутствует упоминание о военных походах славяно-русов (Л. 138 об.), что нарушает контекст, ведь в таком случае непонятно, почему они привлекли такое пристальное внимание Александра.

Само представление о «грамоте» Александра могло попасть в восточнославянскую книжность через перевод польской хроники Мартина Бельского, который, в свою очередь, заимствовал ее из чешской историографии [Мыльников, с. 63–65; Бойцов, с. 278–282]. В тексте присутствует ряд полонизмов, например именование Александра «презвитяжным рыцарем» (Увар. 533. Л. 197). Тем не менее, несмотря на предполагаемое западнославянское влияние, грамота Александра из Сказания, вероятно, является оригинальным сочинением, созданным русскими книжниками [Мыльников, с. 67–72; Богданов, 2022, с. 188].

Согласно тексту грамоты, приводимому в Сказании, славянским князьям были пожалованы земли «от моря Варяжского даже до моря Хвалынского», все народы, их населяющие, подлежали «вечной работе», но по договору с Александром славяне не должны были преступать пределов пожалованных им земель (Увар. 533. Л. 197 об.).

Этот фрагмент перекликается с упомянутым ранее сюжетом об «Афетовых внуках» и народах Гога и Магога из Откровения Мефодия Патарского, вошедшим также в состав Хронографической Александрии, Летописца Еллинского и Римского, Русского Хронографа и ПВЛ. Напомним, что, согласно Откровению, «Афетовы внуки» были заключены Александром за «железными вратами»²⁰.

Здесь повторно встречается проанализированное выше определение славяно-русов как «сыроядцев» (Увар. 533. Л. 197). Стоит отметить, что о привычке «Афетовых внуков» упо-

¹⁹ Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. С. 81.

²⁰ Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. Тексты. С. 125.

треблять в пищу различных «гнусных и скаредных тварей» в упомянутом ранее Откровении Мефодия Патарского говорится именно в контексте их контактов с Александром Македонским²¹.

Однако, в отличие от легенды, приводимой в Откровении, в Сказании конфликт между Александром и славяно-русами решается мирно, а вместо насильственного заключения «за железными воротами» говорится о пожаловании славянским князьям земель с условием не выступать за их пределы.

Пахомиевский вариант Сказания отличается изъятием из текста имен античных богов: «Марша (Марса. – Г. Е.), Юпитера, Вердеры (вероятно, Венеры. – Г. Е.), и Венусы (латинское имя Венеры. – Г. Е.)», которые читаются в других вариантах текста (Погод. 1450. Л. 521 об.; F.IV.600. Л. 769; Увар. 533. Л. 198; Больш. 423. Л. 5 об.; Андр. 2. Л. 139). М. А. Савинов предположил, что эта правка связана с тем, что, с точки зрения архиепископа Пахомия, упоминание языческих божеств было неуместным [Савинов, 2012, с. 478–479]. Выше отмечалось, что, на наш взгляд, изъятие упоминания «кагана сыроядца» в начальной части Сказания может объясняться схожими причинами.

В то же время такая избирательность кажется странной, так как в Пахомиевском варианте сохраняются элементы, касающиеся дохристианских верований самих славяно-русов, в частности легенда о Волхве-чародее. Кроме того, за текстом грамоты следует указание, что ее рукопись была принята «словенорустими князьями» и с почтением помещена в «божнице по правую сторону идола Велеса» (Погод. 1450. Л. 521 об.–522). П. С. Стефанович обратил внимание, что в этом фрагменте словены и русы не просто отождествляются, но объединены в единый этноним «словенорустии» [Стефанович, 2019, с. 435–436].

При этом в Пахомиевском варианте, в отличие от прочих, упоминается, что «божница» находится в Ростове (Погод. 1450. Л. 522). Таким образом, здесь «удревняется» также и история Ростова, что нехарактерно для остального текста Сказания, где упоминаются города преимущественно в Новгородской земле. Кроме того, в Пахомиевском варианте отсутствует упоминание Александра как «презвитяжного рыцаря» (Погод. 1450. Л. 521).

В тексте Андр. 2 грамота Александра подверглась наименьшим сокращениям в сравнении с другими фрагментами текста. Возможно, с точки зрения редактора варианта Андр. 2, именно грамота имела центральное значение во всем тексте.

Дальнейший текст Сказания сообщает, что позднее славяне и русы атаковали «скипетры земли греческия» (Больш. 423. Л. 6; Погод. 1450. Л. 522; Увар. 533. Л. 198 об.). Походом руководили князья по имени Лах (в Хронографическом и Пахомиевском вариантах – Лалох, в Патриаршем – Лалог) и Лахерн (Увар. 533. Л. 198 об.; Больш. 423. Л. 6; F.IV.600. Л. 769 об.; Погод. 1450. Л. 522). Однако они потерпели поражение, а Лахерн погиб. Место его гибели, как утверждает автор Сказания, получило название Лахерново, где позднее был основан монастырь во имя пресвятой Богородицы (очевидно, подразумеваются Влахерны – район Константинополя и церковь Влахернской Богоматери) (Увар. 533. Л. 198 об.). Хотя в тексте об этом не говорится прямо, фактически это означает, что славяно-русы нарушили договор, заключенный ранее с Александром, так как в выданной им грамоте запрещалось нападать на те земли, которые находились за пределами «пожалованных» им территорий.

Стоит отметить, что в тексте Андр. 2 мотив нарушения договора фактически упущен. О походе в «греческую землю» здесь не упомянуто и лишь кратко говорится о том, что князь Лахерн был убит в Царьграде, без уточнения обстоятельств (Андр. 2. Л. 139 об.).

---

²¹ Там же.

Оставшийся в живых Лах, как сообщает Сказание, ушел со своими людьми восвояси «со многим богатством», где они жили «погани, яко скот, не имуще закона», о чем якобы свидетельствовал Андрей Первозванный в своем хождении (Увар. 533. Л. 198 об.). Последнее утверждение в Сказании является отсылкой к легенде о путешествии Андрея Первозванного на Русь, известной по ПВЛ²². Однако в рассматриваемом тексте эта легенда ограничена вышеприведенным сообщением.

Далее в тексте Сказания следует фрагмент, повествующий о княжении «в Синдирех» двух братьев – Диюлега и Диладиха (Увар. 533. Л. 198 об.–199). А. В. Лаврентьев предположил сибирское происхождение этого сюжета, отметив его отдаленное сходство с известиями сибирских летописей, в которых отразились предания местных народов [Лаврентьев, 1984, с. 41–43].

В тексте Пахомиевского варианта присутствует уточнение, что братья Диюлег и Дидилах княжили «в Сидерех же, еже есть в Мордве и Черемисех» (Погод. 1450. Л. 522 об.). Впрочем, упомянутые братья никак не связываются с потомками Словена и Руса, а на дальнейший сюжет памятника этот фрагмент влияния не оказывает.

Далее Сказание повествует о бедствиях, обрушившихся на народ славяно-русов. Первым бедствием был мор, интерпретированный как Божий гнев. Вероятно, по замыслу автора Сказания, это было наказание за нарушение договора, заключенного ранее с Александром. Вследствие мора славяне и русы мигрировали на «Белое озеро», «озеро Тинное», некоторые в иные страны, будучи «прозвища различными проименовани», некоторые же – в «старожитные страны» на Дунае (Увар. 533. Л. 199). В Андр. 2 сообщается лишь, что «Словенск и Руса опустѣша», но ничего не сообщается ни о море, ни о Божьем гневе (Л. 139 об.). Таким образом, назидательный мотив божественной кары за нарушение договора с Александром здесь полностью упущен.

Впоследствии Словенск вновь был заселен частью словен с Дуная, которые «подъяша скиф и болгар с собою немало». Однако они вновь были вынуждены оставить эти земли под натиском «белых угров» (Увар. 533. Л. 199–199 об.). Эпизод о нашествии «белых угров», по-видимому, является очередным свидетельством влияния ПВЛ, где в фрагменте, повествующем о расселении славянских племен, содержится сообщение: «Посем придоша Угри Бѣлии, наслѣдиша землю Словѣньску»²³. В тексте Андр. 2 сообщение о нашествии «белых угров» и повторном запустении Словенска полностью отсутствует (Л. 139 об.). Само упоминание «старожитных стран» славян на Дунае также может являться свидетельством обращения к ПВЛ, где Дунай фигурирует как прародина славян²⁴. После второго запустения Словенска дунайские славяне вновь вместе со «скифами и болгарами» населили землю, где ранее стоял этот город, и основали Великий Новгород по Волхову неподалеку от старого Словенска (Увар. 533. Л. 199 об.).

Здесь стоит отметить, что сам мотив заселения народом Словена и Руса земли «во жребии праотца нашего – Иафета», последующего двукратного запустения этих земель и их повторного заселения вызывает явные параллели с историей ветхозаветного Израиля. Более того, даже причины упомянутых миграций отчасти также совпадают с ветхозаветной историей (при Иакове ветхозаветные евреи были вынуждены покинуть свою землю из-за голода, а в следующий раз – во время «вавилонского пленения»).

Дальнейшая история словено-русов, согласно Сказанию, связана с именем Гостомысла, называемого здесь одновременно старейшиной и князем (Увар. 533. Л. 199 об.). В Андр. 2 Го-

²² ПСРА. Т. 1. Вып. 1. Стб. 7–9.

²³ Там же. Стб. 11.

²⁴ Там же. Стб. 5–6.

стомысла называется только князем, но не старейшиной (Л. 139 об.). Упоминание Гостомысла могло быть заимствовано составителями Сказания из таких памятников общественной мысли XVI в., как Послание Спиридона-Саввы и Сказание о князьях Владимирских, напрямую или же посредством Воскресенской либо Никоновской летописи²⁵.

В Сказании приводится список народов, которые в представлении авторов текста являлись потомками переселившихся с Дуная славян: «поляне, сиречь поляки, полочане, мазовшане, мунтяне, бужане, дреговичи, кривичи, меря, смоляне, чудь, ростовцы, дрявляне, моравы, сербы, болгары с их же отроды, сиверы, лопь, мордва, мурома, инии же в различная именованя прозвашася» (Увар. 533. Л. 200).

В Хронографическом и Пахомиевском вариантах Сказания в этом списке отсутствуют «ростовцы» и «смоляне», но присутствуют дреговичи (F.IV.600. Л. 771–771 об.; Погод. 1450. Л. 523 об.). В Андр. 2 список народов несколько короче: «поляне, полочане, мазовшане, мунтяне, чудь, севери, лоп(ь), сербы и мордва» (Л. 139 об.).

Этот фрагмент, вероятно, был создан под влиянием ПВЛ, где также приводится список народов, которые, если следовать тексту, произошли от «словен»²⁶. Однако в ПВЛ речь идет не об ильменских словенах, а о славянах, живущих на Дунае.

В то же время, проанализировав представленный в Сказании список народов, можно выделить в нем несколько групп: славяне (восточные, западные и южные), финно-угорские народы и «мунтяне» (румыны). Стоит отметить, что в румынских княжествах этого периода пользовались церковнославянским языком в богослужении и поэтому «мунтяне» вполне могли восприниматься отдельными русскими книжниками этого периода как славянский народ. Однако упоминание болгар среди потомков Словена и Руса противоречит более раннему указанию Сказания, согласно которому Болгар был братом Словена и Руса наряду с Команом и Истером (Увар. 533. Л. 194).

В дальнейшем тексте Сказания говорится об основании сыном Гостомысла Младым Словеном города, также названного Словенском, позднее переименованного в Изборск в честь его сына Изборска (Увар. 533. Л. 200–200 об.; F.IV.600. Л. 771 об.). В Андр. 2, Пахомиевском и Патриаршем вариантах текста имя сына Младого Словена передано как Избор (Андр. 2. Л. 139 об.; Погод. 1450. Л. 523 об.; Больш. 423. Л. 7 об.). Сообщение о смерти Изборска (Избора) от укуса змеи переключается с известным летописным сюжетом о смерти Олега при схожих обстоятельствах в ПВЛ²⁷.

После сообщения о смерти Изборска (Избора) в Сказании читается заслуживающий отдельного внимания фрагмент: «земля же Русская тогда сверже с себе ризы сѣтованные и паки облечеса в порфиру и висон и потому не вдовствуя, но паки по сем дети расплоди...» (Увар. 533. Л. 200 об.). Этот фрагмент присутствует во всех рассматриваемых вариантах Сказания, за исключением Андр. 2 и Патриаршего варианта. В Патриаршем варианте Сказания говорится: «земля же русская не вдовствуя, но дѣти уплоди и на многая лѣта почивая пребысть с премудрым Гостомыслом» (Увар. 533. Л. 200 об.). В тексте Андр. 2, в свою очередь, этот эпизод пропущен целиком (Л. 139 об.).

Упоминание порфиры и виссона, очевидно, заимствовано из Послания Спиридона-Саввы или Сказания о князьях Владимирских, где порфира и виссон упоминаются в числе регалий

---

²⁵ Сказание о князьях Владимирских / Под ред. Р. П. Дмитриева. М.; Л., 1955. С. 162, 175; ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 268; СПб., 1862. Т. 9. С. 3.

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 5–6.

²⁷ Там же. Стб. 38–39.

Октавиана Августа²⁸. Примечательно, что в данном фрагменте царскими регалиями обладает не правитель или династия, а Русская земля, то есть происходит персонализация последней.

Продолжен текст Сказания «завещанием» Гостомысла призвать из «земли Прусской» (согласно тексту Патриаршего варианта – Варяжской и Прусской) самодержцев «иже от рода Августа кесаря» (Увар. 533. Л. 201; Больш. 423. Л. 7–8). Этот мотив также является очевидным заимствованием из Послания Спиридона-Саввы или Сказания о князьях Владимирских напрямую или через Воскресенскую летопись²⁹.

В этом месте также читается любопытное дополнение: завещая подданным призвать на княжение «самодержцев рода кесаря Августа», Гостомysl уточняет: «Нѣсть вам срама таковым покоритис(я) и в подданных у сих быти» (Увар. 533. Л. 201). По мнению П. С. Стефановича, в данном случае автор Сказания стремился сгладить противоречие между «славяно-русской самобытностью» и необходимостью призвать чужеземцев на «самодержжество» [Стефанович, 2017, с. 341–342].

Повествование Сказания о Словене и Русе по Патриаршему варианту продолжено фрагментом, озаглавленным «О начале Киевском и о Граде», уникальным для этого варианта текста (Больш. 423. Л. 8 об.–9). В целом, этот фрагмент представляет собой дословное воспроизведение классического сюжета ПВЛ о князьях-братьях Кие, Щеке и Хориве, правивших полянами, и основании ими Киева. Из возможных источников Свода 1652 г., в котором читается Патриарший вариант Сказания, статья «о начале Киевском и о граде» наиболее близка к Никоновской летописи³⁰.

Данный сюжет представляет собой разбивающую основной текст памятника вставку, которую уместно рассматривать как часть Свода 1652 г., а не Сказания о Словене и Русе, в силу чего мы воздержимся от пересказа и анализа этого фрагмента.

За рассказом «о начале Киевском и о граде» в Патриаршем варианте следует фрагмент об истории Новгородской земли. Также этот фрагмент читается, как минимум, в одном из поздних списков Хронографического варианта, хотя, по-видимому, не входил в него изначально (ОР РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 457. Л. 737 об.). Сообщается, что после смерти Гостомысла в Новгороде «многое время» правили посадники, при этом о наличии в городе князей (вплоть до призвания Рюрика) умалчивается (Больш. 423. Л. 9).

Этот фрагмент явно имеет новгородское происхождение, и тот факт, что он присутствует преимущественно в Патриаршем варианте, может свидетельствовать в пользу точки зрения А. В. Лаврентьева, принятой также А. П. Богдановым, о начале работы над Сводом 1652 г. в Новгороде, в бытность Никона новгородским митрополитом [Лаврентьев, 1989, с. 166–167; Богданов, 2019, с. 256].

Также здесь упоминается и основание Киева Кием, однако последний назван князем кривичей и древлян, а не полян (Больш. 423. Л. 9). Завершается рассматриваемый фрагмент сообщением об Аскольде и Дире, которые здесь названы племянниками Кия. Согласно рассматриваемому тексту, Аскольд и Дир, правившие в Киеве, «насиловаху словяном, иже в Великом Новаграде» (Больш. 423. Л. 9). Именно «насилие» со стороны Аскольда и Диры сподвигло новгородцев вспомнить завет Гостомысла и отправить послов к князьям-потомкам «кесаря Августа» (Больш. 423. Л. 9). Стоит отметить, что вышеупомянутая роль Аскольда и Диры как угнетателей жителей Новгорода в каком-то смысле является аналогичной роли упоминаемых

²⁸ Сказание о князьях Владимирских. С. 161, 174.

²⁹ Там же. С. 162, 175; ПСРА. Т. 7. С. 268.

³⁰ ПСРА. Т. 9. С. 4–5.

в ПВЛ «варягов из-за моря», которых изгнали местные племена перед призыванием «варягов-руси»³¹.

Дальнейший текст является общим для всех вариантов Сказания. Вспомнив наказ Гостомысла, новгородцы отправили послов в «Прусскую землю», где ими был обнаружен «куфустр» из рода Августа Рюрик, который был «умолен» послами и согласился принять княжение (Увар. 533. Л. 201). Здесь привлекает внимание титул «куфустр», то есть курфюрст, который, представляя анахронизм, тем не менее, был актуален для времени создания текста. Герцогами Пруссии с 1603 г. были курфюрсты Брандербурга, чем может объясняться использование этого термина по отношению к Рюрику.

Заканчивается текст Сказания сообщением о пришествии на Русь Рюрика с Синеусом и Трувором: «и поиде Рюрик на Словенорусь з двема братома своима с Трувором и Синеусом» (Увар. 533. Л. 201–201 об.). Обращает на себя внимание определение «Словенорусь», которое, впрочем, встречается только в Увар. 533, в то время как в других вариантах текста читается просто «Русь» (Андр. 2. Л. 139 об.; F.IV.600. Л. 722 об.; Погод. 1450. Л. 524 об.; Больш. 423. Л. 8 об.). В Пахомиевском варианте, помимо Синеуса и Трувора, Рюрика сопровождали и другие неназванные «сродники» (Погод. 1450. Л. 524 об.).

Подводя итог, можно выделить основные особенности исторической концепции, представленной в Сказании о Словене и Русе. Согласно этой концепции, словене и русы происходили от Иафета и его потомков – скифов. Оба этнонима – словене и русы – являются патронимами по именам двух братьев – Словена и Руса, однако какого-то четкого разграничения между ними не проводится. При этом, как отмечал А. С. Мыльников, Словен предстает в тексте как старший брат, в то время как Рус играет как бы второстепенную, подчиненную роль [Мыльников, с. 38]. Именно в честь Словена был назван Словенск Великий (будущий Новгород) – столица этого легендарного славяно-русского народа, в то время как в честь Руса была названа относительно второстепенная Старая Русса.

Особо подчеркивается древность Словенска (Новгорода). По замыслу авторов Сказания, этот город существовал еще в четвертом тысячелетии от сотворения мира, а в Патриаршем варианте напрямую сообщается, что Словенск значительно старше Рима.

Кроме того, «новгородоцентричность» текста выражается также в том, что, по задумке авторов Сказания, большинство окрестных народов (как славянских, так и неславянских) произошло именно от ильменских словен, а Новгородская земля явилась, таким образом, их прародиной.

Важнейшим эпизодом концепции Сказания являются отношения древних славяно-русов с Александром Македонским. На наш взгляд, этот сюжет, помимо очевидного стремления «удревнить» историю славян и вписать ее в античный контекст, имел ряд других важных посылов.

Так, например, в «грамоте» Александра славянам жаловались земли «от моря Варяжского даже до моря Хвалынского», а населяющие их народы отдавались им «в вечную работу» – этот фрагмент призван легитимировать власть «славяно-русского» народа на пространстве, которое в момент создания Сказания занимало Российское государство.

Другим важным мотивом, связанным с грамотой Александра, является последующее нарушение князьями Лахом и Лахерном договора, заключенного их предками с Александром, и нападение на земли «скипетра греческого». Хотя в тексте это не утверждается напрямую, фактически именно после этого клятвopреступления на славян-русов обрушился гнев Божий и Словенская земля дважды запустевала в связи с мором и нашествием белых угров. Мотив

---

³¹ ПСРА Т. 1. Вып. 1. Стб. 19–20.

двукратного исхода славяно-русов из Новгородской земли и двукратного же возвращения, как говорилось выше, вполне вероятно, является сознательной параллелью с ветхозаветной историей народа Израиля.

Обращает на себя внимание и присутствие в тексте Сказания классического для русской книжности предыдущего XVI столетия сюжета о происхождении Рюрика от «рода кесаря Августа», который, видимо, сохранял актуальность для составителя этого текста, несмотря на смену правящей династии в России.

Таким образом, Сказание представляет собой довольно любопытное сочетание нетипичных для русской книжности прошлых лет этногенетических построений «баснословного» характера, в которых прослеживается явное влияние западнославянской историографии (наиболее ярким примером такого влияния является заимствование сюжета о «грамоте Александра») с такими консервативными элементами, как династическая концепция XVI в., а также параллели с библейскими сюжетами.

Кроме того, ряд чтений текста Сказания, отмеченных выше, свидетельствует об обращении его авторов к летописной традиции, восходящей к ПВЛ. По удачному определению А. В. Лаврентьева и А. А. Турилова, соотношение Сказания и ПВЛ напоминает соотношение библейских апокрифов и канонических книг [Лаврентьев, Турилов, с. 20]. В то же время стоит признать справедливым замечание А. В. Доронина, согласно которому Сказание «закрепляло» русь одновременно в ветхозаветной традиции, «гентильно-античной», «ромоцентричной династической» и «гентильно-средневековой» парадигмах [Доронин, с. 137].

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на обилие в тексте Сказания имен различных легендарных князей, основным действующим лицом является все же «славяно-русский» народ, а не династия или конкретные правители.

Литература

- Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960. 295 с., 2 л. схем.
- Богданов А. П. Русь от Новгорода, Новгород от Ноя: Новгородский вклад в общерусское летописание XVII в. // NOVOGARDIA. 2019. № 2. С. 252–279. DOI 10.25797/NG.2019.2.2.016
- Богданов А. П. Сила легенды. Повесть о Словене и Русе в общерусском летописании XVII в. // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 1. С. 184–201. DOI 10.22455/2500-4247-2022-7-1-184-201
- Бойцов М. А. Как Александр Македонский по пути из Чехии поддержал московитов // Polystoria: Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе. М., 2016. С. 265–300.
- Буланин Д. М., Турилов А. А. Сказание о Словене и Русе // СККДР. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 444–447.
- Гольдберг А. Л. Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // ВИД. Л., 1982. Т. 13. С. 50–63.
- Дмитриев Л. А. Откровение Мефодия Патарского // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 283–284.
- Доронин А. В. Сказание о Словене и Русе – первый нарратив раннемодеальной москворусской нации // Словесность и история. 2022. № 2. С. 121–152. DOI 10.31860/2712-7591-2022-2-121-152
- Духанина А. В. Редакция Жития Стефана Пермского в составе печатного Пролога: текстология и кодикологическое значение // ТОДРА. СПб., 2020. Т. 67. С. 135–174. DOI 10.31860/0130-464X-2020-67-135-174
- Лаврентьев А. В. Свод 1652 г. – памятник русского летописания XVII в. Дис. ... канд. истор. наук. М., 1984. 231 с.
- Лаврентьев А. В. Летописный свод 1652 г. как источник по истории изучения русской средневековой повести XVI–XVII вв. // Русская книжность XV–XIX вв. М., 1989. С. 164–182.
- Лаврентьев А. В., Турилов А. А. «Повесть о Словене и Русе» («Сказание о Великом Словенске») о происхождении и ранней истории славян и Руси // Славяне и их соседи. Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего средневековья и раннего Нового времени. Тезисы 15-й конференции. М., 1996. С. 19–25.
- Мильников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1996. 398 с.
- Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. 555 с.

- Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. [4], 287 с.
- Савинов М. А. Хронограф Пахомия – памятник русской исторической мысли XVII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2009. Вып. 1. С. 38–44.
- Савинов М. А. О некоторых источниках Хронографа Пахомия // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012. М., 2012. С. 470–488.
- Савинов М. А. Архиепископ Астраханский и Терский Пахомий и его хронограф. Дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2016. 160 с.
- Сиренов А. В. Русское историописание XV–XVII вв.: в поисках «своей истории» // Нарративы Руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории. М., 2018. С. 59–75.
- Сиренов А. В. О месте создания Повести о Словене и Русе // Книжная культура Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 2021. С. 24–31.
- Сиренов А. В. «Повесть о Словене и Русе» – русский вариант легенды об «origo gentis» // Мобилизованное Средневековье. В 2 т. СПб., 2022. Т. 2. Средневековая история на службе национальной и государственной идеологии в России. С. 82–87.
- Стефанович П. С. Легенда о призвании варягов в историографии XVI–XVII вв. От средневековых мифов к раннемодерным // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017. С. 326–344.
- Стефанович П. С. «Славянорусский народ» в исторической литературе Украины и России XVII – первой половины XVIII в. // Slověne. 2019. Т. 9. № 2. С. 417–447. DOI 10.31168/2305-6754.2019.9.2.9
- Шамбинаго С. К. Иоакимовская летопись // ИЗ. М., 1947. Т. 21. С. 254–270.

References

- Azbelev, S. N. Novgorodskie letopisi XVII v. [Novgorod Chronicles of the 17th Century]. Novgorod, 1960. 295 p., 2 l. of schemes.
- Bogdanov, A. P. Rus' ot Novgoroda, Novgorod ot Noya: Novgorodskii vklad v obshcherusskoe letopisanie XVII v. [Russia from Novgorod, Novgorod from Noah: Novgorod Contribution to All-Russian Chronicles XVII Century]. In *NOVOGARDIA*. 2019. No. 2. Pp. 252–279. DOI 10.25797/NG.2019.2.2.016
- Bogdanov, A. P. Sila legendy. Povest' o Slovene i Ruse v obshcherusskom letopisanii XVII v. [Power of the Legend: the Tale of Sloven and Rus in Russian Chronicles of the 17th Century]. In *Studia Litterarum*. 2022. Vol. 7. No. 1. Pp. 184–201. DOI 10.22455/2500-4247-2022-7-1-184-201
- Boitsov, M. A. Kak Aleksandr Makedonskii po puti iz Chekhii podderzhal moskovitov [How Alexander the Great Supported the Muscovites on the Way from the Czech Land]. In *Polystoria: Tsari, svyatye, mifotvortsy v srednevekovoi Evrope*. Moscow, 2016. Pp. 265–300.
- Bulanin, D. M., Turilov, A. A. Skazanie o Slovene i Ruse [Tale of Sloven and Rus]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1998. Issue 3. Part 3. Pp. 444–447.
- Dmitriev, L. A. Otkrovenie Mefodiya Patarskogo [The Revelation of Methodius of Patara]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1987. Issue 1. Pp. 283–284.
- Doronin, A. V. Skazanie o Slovene i Ruse – pervyi narrativ rannemodernoi moskvorusskoi natsii [The Tale of Sloven and Rus as the First Narrative of the Early Modern Muscovite Russian Nation: A New Approach to the Interpretation of the Tale]. In *Slovesnost' i istoriya*. 2022. No. 2. Pp. 121–152. DOI 10.31860/2712-7591-2022-2-121-152
- Dukhanina, A. V. Redaktsiya Zhitiya Stefana Permskogo v sostave pechatnogo Prologa: tekstologiya i kodikologicheskoe znachenie [The Life of St. Stephen of Perm in the Printed Prologue: Textual Criticism and Codicological Value]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg, 2020. Vol. 67. Pp. 135–174. DOI 10.31860/0130-464X-2020-67-135-174
- Gol'dberg, A. L. Legendarnaya povest' XVII v. o drevneishei istorii Rusi [The Legendary Tale of the 17th Century about the Ancient History of Rus]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Leningrad, 1982. Vol. 13. Pp. 50–63.
- Lavrent'ev, A. V. Svod 1652 g. – pamyatnik russkogo letopisaniya XVII v. [The Code of 1652 is a Monument of the Russian Chronicle Writing of the 17th Century]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Moscow, 1984. 231 p.
- Lavrent'ev, A. V. Letopisnyi svod 1652 g. kak istochnik po istorii izucheniya russkoi srednevekovoi povesti XVI–XVII vv. [The Chronicle of 1652 as a Source for the History of the Study of the Russian Medieval Tale of the 16th – 17th Centuries]. In *Russkaya knizhnost' XV–XIX vv*. Moscow, 1989. Pp. 164–182.
- Lavrent'ev, A. V., Turilov, A. A. “Povest' o Slovene i Ruse” (“Skazanie o Velikom Slovenske”) o proiskhozhdenii i rannei istorii slavyan i Rusi [“The Tale of Sloven and Rus” (“The Tale of the Great Slovensk”) about

the Origin and Early History of the Slavs and Rus]. In *Slavyane i ikh sosedi. Mif i istoriya. Proiskhozhdenie i rannyyaya istoriya slavyan v obshchestvennom soznanii pozdnego srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni. Tezisy 15-i konferentsii*. Moscow, 1996. Pp. 19–25.

Мыл'ников, А. С. *Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoi Evropy* [The Picture of the Slavic World: A View from Eastern Europe]. Saint Petersburg, 1996. 398 p.

Nasonov, A. N. *Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniya* [The History of the Russian Chronicles of the 11th – the Beginning of the 18th Century. Essays and Research]. Moscow, 1969. 555 p.

Popov, A. N. *Obzor khronografov russkoi redaktsii* [Review of Chronographs of the Russian Redaction]. Moscow, 1869. Issue 2. [4], 287 p.

Savinov, M. A. *Khronograf Pakhomiya – pamyatnik russkoi istoricheskoi mysli XVII v.* [Chronograph of Pachomius is a Monument of Russian Historical Thought of the 17th Century]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya*. 2009. Issue 1. Pp. 38–44.

Savinov, M. A. *O nekotorykh istochnikakh Khronografa Pakhomiya* [About Some Sources of the Chronograph of Pachomius]. In *Letopisi i khroniki. Novye issledovaniya. 2011–2012*. Moscow, 2012. Pp. 470–488.

Savinov, M. A. *Archiepiskop Astrakhanskii i Terskii Pakhomii i ego khronograf* [Archbishop Pachomius of Astrakhan and Tersk and His Chronograph]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Saint Petersburg, 2016. 160 p.

Shambinago, S. K. *Ioakimovskaya letopis'* [The Joachim Chronicle]. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1947. Vol. 21. Pp. 254–270.

Sirenov, A. V. *Russkoe istoriopisanie XV–XVII vv.: v poiskakh "svoei istorii"* [Russian Historical Writing of the 15th – 17th Centuries: In Search of "Own History"]. In *Narrativy Rusi kontsa XV – serediny XVIII v.: v poiskakh svoei istorii*. Moscow, 2018. Pp. 59–75.

Sirenov, A. V. *O meste sozdaniya Povesti o Slovene i Ruse* [About the Place of Creation of the Tale of Sloven and Rus]. In *Knizhnaya kul'tura Moskovskoi Rusi XV–XVII vv.* Saint Petersburg, 2021. Pp. 24–31.

Sirenov, A. V. "Povest' o Slovene i Ruse" – russkii variant legendy ob "origo gentis" ["The Tale of Sloven and Rus" is a Russian Version of the Legend of "Origo Gentis"]. In *Mobilizovannoe Srednevekov'e*. In 2 vol. Saint Petersburg, 2022. Vol. 2. *Srednevekovaya istoriya na sluzhbe natsional'noi i gosudarstvennoi ideologii v Rossii*. Pp. 82–87.

Stefanovich, P. S. *Legenda o prizvanii varyagov v istoriografii XVI–XVII vv. Ot srednevekovykh mifov k rannemodernym* [The Legend of the Calling of the Varangians in the Historiography of the 16th – 17th Centuries. From Medieval Myths to Early Modern Ones]. In *Drevnyaya Rus' posle Drevnei Rusi: diskurs vostochno-slavyanskogo (ne)edinstva*. Moscow, 2017. Pp. 326–344.

Stefanovich, P. S. "Slavyanorossiiskii narod" v istoricheskoi literature Ukrainy i Rossii XVII – pervoi poloviny XVIII v. [The "Slavic-Russian Nation" in the Historical Literature of the Ukraine and Russia in the 17th – mid 18th Centuries]. In *Slověne*. 2019. Vol. 9. No. 2. Pp. 417–447. DOI 10.31168/2305-6754.2019.9.2.9

Georgy A. Emelyanenko

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

CONCEPTS OF ANCIENT HISTORY OF RUS IN THE TALE OF SLOVEN AND RUS

The article attempts to analyze the historical concept of Tale of Sloven and Rus, a historical and publicist piece of literature created no later than the 1630s. Unlike previous historiography, this article analyzes every single fragment of the text. Supposed sources of certain fragments of the text are identified where it is possible. Moreover, a comparison is given of the most valuable differences in the oldest of the known variants of the text.

Keywords: Tale of Sloven and Rus, Historical concept, Ethnogenetic legend

